

Хайриддин СУЛТАН ДВАЖДЫ ГЕРОЙ

У меня есть друг – летчик. Кахрамон, в переводе на русский – Герой. Нет, это не имя, он на самом деле настоящий герой.

Зовут его Мухаммадкамол, но большинство называют просто Камол.

Этот мой друг первым в Узбекистане стал пилотировать «Боинг». Причем не только сам управлял, но и обучал молодых пилотов. В их авиакомпании есть специальный центр подготовки к полетам, он работал там главным инструктором.

А еще, скажу вам по секрету, Камол десять лет благополучно управлял «литерным» бортом. «Литерный» на их языке означает самолет, на котором летает глава государства.

Если вы думаете, что он стал героем, угождая начальству, то ошибаетесь.

Пилот первой категории Мухаммадкамол Отабоев получил звание Героя за мужество при управлении воздушным судном в экстремальной ситуации. Об этом писали газеты, даже сняли фильм, может, вы его видели. Только в фильме моего друга называли Акбаром, а всё остальное – стопроцентная правда.

В тот раз Камол утром вылетел из Ташкента на «Боинге-757», сделал посадку для дозаправки в английском аэропорту Бирмингема. А ближе к полуночи, когда самолет уже подлетал к Нью-Йорку, диспетчер местного аэропорта имени Джона Кеннеди неожиданно изменил маршрут и приказал садиться в международном аэропорту неподалеку от города Гандер на канадском острове Ньюфаундленд. Причем никаких объяснений не дал.

В этот момент в небе появились американские военные истребители. Они сопровождали не только самолет Камола, но и все другие, находившиеся в небе, принуждая их возвращаться.

Ну и что делать прикажете? До Ташкента далеко, Нью-Йорк закрыт.

«Мы летели на высоте десять тысяч метров со скоростью восемьсот километров в час, – рассказывал потом Камол. – Внизу чернеет бескрайний океан. Решили лететь вдоль побережья. Шли крайне осторожно и медленно. Иначе в любой момент могли столкнуться с другими самолетами, которые с ревом и свистом проносились мимо нас спереди и сбоку.

Самолеты со всех концов света собрались в канадском небе, образовалась настоящая пробка: полосы местных аэропортов были заняты, и разрешение на посадку давали только тем, у кого заканчивалось топливо. Остальным приходилось ждать в воздухе.

Мы без конца выходили на связь, запрашивая разрешение на посадку в ближайших аэропортах. Все либо заняты, либо отказывают. И вот наконец удалось связаться с военным аэродромом Гус-Бей рядом с городом Хэппи-Вэлли у самой границы Канады с США и кое-как получить разрешение на посадку.

Но, как говорится, беда не приходит одна: погода ужасная, сильный ветер, гроза, непрерывные вспышки молний. К счастью, с Божьей помощью мы благополучно посадили самолет. Я выглянул в окно – ни спасателей, ни пожарных машин.

И только теперь, уже в спокойной обстановке, почувствовал, что весь взмок, рубашка и китель промокли насквозь. Меня начало знобить. Даже встать сил не было.

Как только стюардесса Наташа объявила о посадке, подбежал солидный на вид человек и закричал: “Где командир? Зови сюда командира!” “Я командир корабля Отабоев, слушаю вас”, – отвечаю я, а он, размахивая руками, угрожающе на русском орет: “Кто вам разрешил садиться в другом месте? Что это за самоуправство?! У меня билет в Нью-Йорк, понимаете, в Нью-Йорк!”

Смотрю, наш, узбек, лицо знакомое, кажется, где-то возле Чорсу живет.

“Ака, успокойтесь, Нью-Йорк закрыт, не принимает”, – говорю ему, но он не слушает, наоборот, вопит еще громче: “Ничего не знаю и знать не хочу! Немедленно лети в Нью-Йорк! Давай попробуй не полететь, я одним звонком с должности тебя сниму!” Ну разве не смешно? Спорить не стал, я всё еще был под впечатлением и благодарил Всевышнего, что мы остались живы.

Когда мы вышли из самолета и вошли в зал аэродрома, все стояли, в оцепенении уставившись на экран: за полтора часа до этого террористы угнали два “Боинга” и врезались в небоскребы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке... Да, то самое 11 сентября...

Вдруг вижу – тот чиновник, что грозился мне в самолете, стоит рядом и дрожит. “Простите меня, ака, – говорит, – я же не знал... Бог всех нас от смерти спас-а!”

Что тут скажешь... Я только ответил: “Ладно, будьте здоровы”.

За то, что в тот перелет он спас жизнь ста девяноста пассажирам и одиннадцати членам экипажа, а также сохранил самолет, Камолу было присвоено звание Героя, а двое его коллег награждены орденами.

Подобных историй у моего друга немало. Например, недавно, во время пандемии коронавируса, он, рискуя собой, доставил из Петербурга в Узбекистан сотни людей. Потом вместе с пассажирами месяц просидел на карантине.

Я так считаю, поднять в воздух громадный самолет, пролететь тысячи километров и благополучно посадить его на землю – одно это уже подвиг, разве нет?

Может, оттого что Камол хорошо знает цену жизни, он отличный семьянин, в жене и детях души не чает. Жена его Сафура – педиатр, сын Бобур работает инженером на автозаводе, дочь Маъмура выучилась на дизайнера и в прошлом году вышла замуж за парня по имени Шерали. У них маленькая дочка, Маъмура пока сидит дома.

Но недавно в жизни моего друга случилась настоящая драма, так уж было предначертано. Бедняга не смог держать это в себе и поделился со мной. А я рассказываю, так как очень и очень доверяю вам, только прошу, не разносите по всему свету, хорошо? Дело довольно деликатное, так сказать, личное.

В общем, однажды Камол летел из Бангкока в Ташкент. Погода отличная, полет прошел спокойно, настроение хорошее. Друзья знают, что он провел сутки в отеле «Le Meridien», успел отдохнуть. На обратном пути, как обычно, сначала купил подарки двум своим внукам, потом остальным. Не забыл и о любимом зяте, который был в Москве по делам фирмы, скоро у того день рождения, ну Камол и купил итальянский костюм. Позвонил дочери Маъмуре, уточнил размер, но оказалось, взял на один меньше. Пришлось снова ехать в тот торговый центр и менять.

Вообще мой друг, кажется, любит своего зятя даже больше, чем сына. Постоянно его расхваливает, как только речь зайдет, у него прямо мед с губ капает. Однажды я в шутку сказал, мол, что же вы, Шерали да Шерали, будто на нем свет клином сошелся, как ни крути, зять есть зять, чужак. Так он спустил на меня всех собак.

– Э, друг, – вспылил он, – вы этого не понимаете, потому что еще не выдавали дочь замуж. Моя единственная дочь в том доме, в руках этого парня, так сказать, «заложница», ну и что мне остается делать?

Вижу, он и вправду обиделся.

– Понимаю, вы правы, зять и пророк почитал, – сразу пошел я на попятную.

– Ну и я о чем, – сказал друг, просветлев лицом.

По правде говоря, Шерали был из тех, кого и хвалить не стыдно: красивый, статный, успешный предприниматель, обеспеченный, при встрече рука уважительно всегда на груди – вежливый и учтивый. Настолько скромный и сдержанный, что никто не поверит – он сын высокопоставленного чиновника, которого знает весь Узбекистан.

Если бы я был режиссером и мне доверили переснять «Минувшие дни»¹, то на роль Отабека я бы без колебаний выбрал именно Шерали.

Извините, я немного отвлекся, ведь речь шла о Камоле.

Итак, спустя два часа после ночного вылета из Бангкока Камол включил автопилот и по нужде вышел в салон. Там стоял полумрак, большинство пассажиров, поев, уже спали. В бизнес-классе, кроме парня и девушки, которые сидели, прижавшись друг к другу, у иллюминатора, никого не было.

Сначала Камол не обратил на них внимания, подумал – может, молодожены или, на худой конец, просто парочка, ну знаете, кто только не летает в Таиланд.

Возвращаясь в кабину, он заметил, что те самые «влюбленные» уже... как бы это сказать... совсем распустились, издают на весь салон охи и вздохи, забыв обо всем.

Хотя Камол ультрасовременный человек, работал в интернациональном коллективе, он был строгих нравов, соблюдал традиции, и от таких непристойных действий его покорило. Увидев подобное безобразие, уже собрался призвать парочку к порядку, как вдруг услышал знакомый голос и застыл на месте.

– Представляете, друг, – почти со слезами рассказывал он мне, – тот парень... оказался мой любимый зять Шерали! Минут пять я стоял, не мог пошевелиться, потом резко включил свет и, глядя ему прямо в лицо, сказал: «Ну что, Шерали?» До сих пор удивляюсь, как я не размазал этого подлеца по полу. Он, увидев меня, тоже обомлел, торопливо натянул покрывало на голову и спрятался под кресло. Меня трясет, я не знаю, что делать. А эта стерва, даже не потрудившись прикрыть обнаженную грудь, зашипела, смешивая русский с узбекским: «В чем дело, ока, что вы проблему создаете?» На нее и посмотреть противно: толстый слой штукатурки на лице поплыл, не знаю уж, пьяная или обкуренная... Присмотрелся, лицо знакомое. Вспомнил: это известная в Ташкенте певичка.

Я отчетливо почувствовал, как кровь, закипая, поднимается снизу вверх, бьет в голову, вены на висках вот-вот лопнут. Уши заложило, в глазах начало темнеть.

«О Боже, не доведи до позора! – говорю про себя. – Не доведи!» Если в эту минуту у меня остановится сердце или произойдет кровоизлияние в мозг, этот огромный самолет, летящий на высоте одиннадцать тысяч метров со скоростью восемьсот километров в час с тремя сотнями человек на борту... даже представить страшно...

Я думаю об этом, тело мое горит, а шайтан без конца подзуживает: открой аварийную дверь, вышвырни этих нечестивцев из самолета, отомсти. Но разум говорит: возьми себя в руки, ты не имеешь права сходить с ума, терпи. Так обидно мне стало, мой друг. Несчастная моя дочь, уперлась же тогда, хоть умри, мол, выйду только за него замуж... шестимесячная невинная внучка стоит перед глазами.

¹ Известный роман выдающегося узбекского писателя Абдуллы Кадыри.

«Почему? Почему ты так сделал, сукин сын? Что мы тебе плохого сделали, подлец?» – эти мысли выжигали мозг и сердце, причиняя невыносимую боль.

Я не сдержался: «Смотри на меня, негодяй! – яростно сказал я, сорвав с него одеяло. – Тьфу на тебя, подонок!» – и плюнул ему в рожу.

Его любовница-певичка завизжала и закричала по-русски: «Эй, что ты себе позволяешь, тварь?! Шерик, кто он такой, охренел, что ли?!»

Захожу в кабину, второй пилот Сергей, увидев мое состояние, испугался: «Командир, вам плохо?» – и, не дождавшись ответа, приказал стюардессе: «Марина, срочно спроси, есть ли среди пассажиров врач!»

Я кое-как взял себя в руки, остановил Марину, уже идущую к микрофону.

«Никакого врача не надо, – сказал я с трудом. – Дайте стакан воды».

Во внутреннем кармане кителя у меня «на черный день» лежали лекарства, проглотил три таблетки подряд.

Долго смотрел в черное, бездонное небо. Теперь я должен забыть всё. Прежде всего эту обиду, это жгучее желание мести. Да, забыть! Я обязан забыть!

На корабле, знаете, жизнь одна на всех. Я обязан довести этих триста человек, включая тех двух тварей, до места назначения целыми и невредимыми. Обязан! Другого пути у меня нет...

Господь снова дал мне силы. Дал терпение – я взял штурвал. Сергей, заметив, что у меня мокрые глаза, удивился. Я сказал, что, мол, продуло. Видимо, поверил, больше вопросов не задавал.

Я много лет летал по маршруту Бангкок – Ташкент. Но никогда не чувствовал, что эти семь с половиной часов могут быть такими длинными. Скажу вам, перелет 26 марта для меня был тяжелее, чем 11 сентября...

Выслушав историю моего друга Камол, я не смог вымолвить ни слова.

Мы долго сидели молча.

– Да ты настоящий герой! – вымолвил наконец я по-русски. – Дважды Герой.

Мой друг грустно усмехнулся.

– Да, пожалуй, – вздохнул он и тоже сказал по-русски: – Но второй раз – посмертно.

Смысл этих слов я понял только потом.

Что стало с зятем-подлецом, спросите? Что-что, пошел к родителям, заплакался, пожаловался.

В итоге тесть, оказывается, всё наврал, это, типа, чистая клевета. Он, мол, по делам фирмы летал из Москвы в Таиланд, устал, спокойно спал в бизнес-классе. Никаких девиц он, конечно же, не видел. Дескать, у тестя «крыша поехала», а у пилотов, знаете ли, такое случается, так что всё это – спланированная провокация. И вообще, жена его, эта жирная свинья, уже достала до смерти, давно пора было выгнать, но он, видите ли, терпел.

Камол, услышав это, чуть с ума не сошел. Ведь и правда, ни доказательств, ни свидетелей. Он не снял на телефон зятя с любовницей, как это делают другие. Кому теперь жаловаться?

Родители зятя, свято веря, что их золотой сыночек белее снега и мягче одуванчика, через неделю выгнали Маъмуру с ребенком, и она вернулась в дом отца.

Сейчас сватья бегаёт по всему Ташкенту, ищет для своего Шерали невесту, невинную и чистую.